

[>>> VII. The Training](#)

Тиранию как и ад, завоевать нелегко.

Томас Пейн.¹

Получив последние отчеты от Фэнси Пэнса, Принц Блюблад шел по коридору. Его лицо светилось довольной улыбкой. Ему пришлось немало попотеть за эти два долгих месяца, но в конце концов жеребята достигли надлежащих успехов в своем обучении. Скоро наступит время для их дефлорации и вознесения.

Войдя в свои покои, принц, даже будучи изможденным, чувствовал, что он довел дело до конца. Он был удивлен тому, с каким трудом ему удалось сломить волю жеребят.

Блюблад уже собирался взойти на свое ложе, как вдруг застыл на месте. Сердце принца замерло; он понял, что кто-то уже лежит на нем.

Голубая пегаска, тайно проникшая в опочивальню принца, была облачена в черную монашескую вуаль, что скрывала ее радужную гриву от чужих глаз.

Кобылка была одета в монашеские одеяния Церкви Святых Сестер, поклонявшейся его тётушкам. На ней было серебряное ожерелье с луной и солнцем, как символ ее верности принцессам. Её плотная черная одежда подчеркивала каждый изгиб ее тела, что еще больше распалило желание принца занять столь «запретный плод».

¹ Томас Пейн (1737 - 1809) - американский писатель и публицист, один из отцов-основателей США. Строчки выдержаны из памфлета "Американский кризис", зачитанного в военном лагере Джорджа Вашингтона.

Черная ткань покрыла все её тело, обнажив голубую мордашку, в то время как белый воротничок² контрастировал с абсолютно черным облачением. Голубые крылья были продеты сквозь два отверстия в черной мантии, они помогали святой сестре выглядеть еще более ангелоподобно.

Взглянув на окно, принц Блюблад заметил, что оно было взломано снаружи.

- Тебе стоит сменить замки, мой принц,- кокетливо сказала монахиня.

- Замки, которыми пони защищали себя от внешней угрозы, никогда не доставляли мне проблем, - спокойно произнес Блюблад, подойдя к окну и закрыв его.

- Я считаю более разумным сосредоточить свое внимание на тех замках, которыми пони ограничивают самих себя.

Стоило Блюбладу лишь взглянуть на монашку, как он понял, что еще не встречал никого подобного ей. Слухи о его чудовищной распущенности разлетелись по всему королевству. Горожане Кантерлота и всей Эквестрии ненавидели его.

- Пусть ненавидят меня, - думал Блюблад, - *лишь бы боялись*³.

Несмотря на смертельную опасность, эта монахиня добровольно и без страха вошла в его личные покои. Он был поражен её неукротимым духом, которым она должна была обладать, чтобы решиться на подобное преступление.

² На самом деле это называется «котта», слой белой одежды, одеваемый католическими монахинями под черную мантию (хабит), который виден только в области шеи и поэтому его можно принять за воротник. Смотреть [здесь](#).

³ Слова царя Атрея из трагедии римского поэта Луция Акция.

- Церковь находится далеко отсюда, сестра, - усмехнулся Блюблад, - что заставило вас этой ночью проникнуть в мои покои?

- Я согрешила, - сказала монахиня, отведя взгляд от принца и покраснев. В удивлении Блюблад поднял брови. Он взглянул на огромные картины оргий, что висели на его стенах.

- Моя постель не исповедальня, - озадаченно произнес Блюблад, - но если ты чувствуешь что должна избавиться от этого бремени, то поведай мне о нем любыми способами.

Ради драматического эффекта монахиня сделала паузу, перед тем как продолжить.

- Я возжелала вашу филейную часть, - кокетливо сказала кобылка, соблазнительно взглянув на Блюблада. И принц понял, что она имела в виду не мясо.

Впервые за столь долгое время Блюблад был слегка обескуражен. Кобылы никогда не желали его, за исключением тех случаев, когда они просто изображали влечение в отчаянной попытке спасти жизни своих близких. Но это... это было нечто совсем иное.

Принц решил не подходить ближе и, налив себе чего покрепче, обратился к монахине.

- Проникновение в мои личные покои без разрешения – это преступление, которое карается смертью, - сухо произнес принц Блюблад, - Зачем рисковать жизнью ради шанса узнать меня поближе?

- Твое имя - золотой колокольчик в моем сердце, - страстно произнесла кобыла. – Я бы разорвала свое тело на кусочки за одну только возможность назвать тебя по имени.

Монахиня выглядела вполне искренней в своих желаниях, но Блюблад все еще был настороже.

- А как быть с твоим обетом безбрачия? - сказал Блюблад, - Ты можешь не бояться язв, которые постигнут твою плоть, но я знаю, что такая набожная кобылка, как ты, никогда не подвергнет опасности «чистоту своей души» ради погони за плотскими удовольствиями.

Монахиня посмотрела на Блюблада так, словно она уже задумывалась об этом.

- В священном писании принцесс сказано, что *«всякое, что входит в уста не оскверняет тело, но все что исходит из них, вредит ему»*, сказала кобылка. – Поэтому я полагаю, что акт фелляции не есть грех при условии, что я буду глотать.

Блюблад мог бы сказать, что она неверно истолковывает писание ради удовлетворения своих греховных желаний, но он не собирался делать это. Распутная кобылица так и просилась на член, и потому Блюблад был только рад ей услужить.

Будучи полностью убежденным в ее искренности, он оставил свой бокал и присоединился к ней в постели. Он лег на спину так, чтобы ей хорошо было видно его вялое достоинство жеребца.

- Я готов к началу богослужения, сестра, - с издевкой произнес Блюблад, - иди ко мне и приготовь свои святые дары.

Монахиня подвинулась к принцу и с благоговением уставилась на его пенис. Склонив голову, она произнесла молитву, прежде чем продолжить.

- Дорогая Селестия, - произнесла монашка, – прошу, благослови эту плоть, что я собираюсь вкусить, что бы она щедро вскормила мое тело здоровым семенем. Во имя Луны я прошу тебя. Аминь.

Блюблад не мог сдержать улыбку при виде ее религиозного рвения творить молитву перед каждой трапезой. Закончив, монашка подняла пульсирующий хобот и прикоснулась к нему губами. Лаская языком его горячий прибор вверх и вниз, она почувствовала, как он становится все более твердым.

Начав от основания пениса, она одним непрерывным движением языка достигла верхушки его достоинства. Монашка взяла член в рот и, посасывая его, вращала языком вокруг пульсирующего жезла принца Блюблада. Когда она вынула его член изо рта, сверкающая слюна покрывала его головку и капала с его прибора.

- Прости меня, Селестия, - сказала монахиня, играя с его концом. - Но я ничего не могу с собой поделать.

- Тебе не стоит жить в страхе перед моими тетушками, - уверенно произнес Блюблад, - я давным-давно перестал беспокоиться о том, что они думают. Нами управляет судьба, моя маленькая пони, а не какой-то там бог или богиня.

- Но мой господин, - сказала кобылка, - при вашей власти нет ничего невозможного. Вы - бог среди пони!

- Я не бог! – резко ответил Блюблад. - К моему большому сожаланию, в отличие от моих тетушек я все еще смертный!

В голосе принца, возмущенного неумолимым ходом времени, которое его тетушки все-таки смогли подчинить своей воле, были слышны нотки ревности. Дело в том, что сокрытие секрета вечной молодости от принца было щекотливым вопросом в его отношениях с принцессами.

- Принцесса Селестия и принцесса Луна - Богини, - искренне произнесла монашка.

- Так говорят в королевстве, и подданные предпочитают в это верить, - с горечью произнес Блюблад, - эти сказки мне неинтересны.

После жаркого спора некоторое время они не разговаривали. Были слышны только звуки, которые издавала монахиня, пока сосала его хобот. Она заглатывала его дюйм за дюймом и поднимала голову лишь тогда когда чувствовала рвотный рефлекс. Слюна монахини покрывала член Блюблада, в то время как она пыталась угодить ему. Принц закрыл глаза и содрогнулся в похотливом удовольствии, пока она вкушала его тлетворной плоти.

- Дискорд вас подери, тетушки! – произнес Блюблад, - кобыла, которая может дарить такие удовольствия языком не имеет права быть в безбрачии!

Монашка не могла ответить, так как ее рот был занят. Тяжело дыша через нос, она двигала головой во все более быстром темпе, приумножив удовольствия принца.

- Я начинаю сомневаться в твоей невинности, сестра, - произнес Блюблад, - чтобы стать столь искусной в таком деле, вам определенно раньше приходилось развлекать других жеребцов.

Она вынула его болт изо рта и перевела дыхание, прежде чем ответить.

- Клянусь тебе мой принц, вы первый, - сказала затаив дыхание монашка, облизывая основание его члена, - я обрела эти познания плоти благодаря моей вере. Процесс нашего развития проистекает от спонтанных действий и никоим образом не зависит от жизненного опыта.

Опустив голову, монахиня проглотила яички принца. Она сосала его яйца, не давя слишком сильно, чтобы не причинить ему боль. Принц Блюблад застонал в знак одобрения.

- Покажи мне свой закрепощенный клитор, - приказал Блюблад, - я желаю подготовить его для моего вхождения в святая святых.

Подчинившись Блюбладу, пегаска повернулась так, чтобы они оба находились в позиции, подходящей для перекрестной любви. Её губы обхватили его член, сию минуту захватить его целиком.

Гладкая черная мантия накрыла принца. Ему пришлось поднять несколько слоев одежды, прежде чем увидеть...

- Металлический пояс целомудрия? – с сомнением произнес Блюблад.

Под своей мантией монашка носила чугунное нижнее белье, цель которого была уберечь ее девственность. В районе промежности пояс напоминал цветок венериной мухоловки, хотя правильнее было бы назвать его "пенисоловкой".

Посреди её блестящего девственного бугорка находилась тонкая щель в металлическом белье. На краях щели были расположены длинные и узкие шипы, торчащие под углом, что делало любое проникновение невозможным. Металлическая пластина между

гениталиями и поясом также мешала ей ублажать саму себя. Единственное, что могло безопасно проникнуть сквозь эти шипы, это была выпускаемая влагалищем моча.

Прямо над зубастой ловушкой находилось еще одно отверстие, для ануса. Как ни странно, оно было выполнено в форме сердца, но было достаточно малым, чтобы исключить возможность анальных утех.

Блюблад усмехнулся, представив себе фекалии монахини, проходящие сквозь сердцевидное металлическое отверстие. Он задумался о сложности постоянной чистки столь сложного устройства.

Выше металлического сердца находилось третье отверстие, для просунутого через него радужного хвоста.

С громким, влажно-причмокивающим звуком монахиня позволила инструменту Блюблада выскользнуть изо рта.

- Я чувствую, что ты сейчас смотришь на мой пояс целомудрия, - сказала монахиня. - Селестия настаивает, чтобы ее монахини носили его постоянно, потому что это очень важно, чтобы мы сохранили свою непорочность для нее.

Монахиня не знала истинных намерений, с которыми Селестия стремилась сохранить девственность верных ей сестер, и с благоговейным удовольствием подчинялась ее приказам.

- Жалкая распутница с закованным влагалищем, - сказал Блюблад, - на что должна походить жизнь без удовольствия?

- Для меня удовольствие помогать другим, - уверенно произнесла монахиня, - В мире есть удовольствия и помимо плотских.

- Прибереги свою проповедь для своей паствы, - поморщился Блюблад, - вместо того, чтобы давать мне советы, тебе стоит сосредоточиться на работе ртом. Это у тебя получается гораздо лучше.

- Как пожелаете мой принц, - сказала монахиня и продолжила его ублажать. Языком она чувствовала жар его разогретого члена, ритм которого совпадал с быстрым биением ее сердца.

В то время как монашка подталкивала его к оргазму, Блюблад чувствовал, как растёт напряжение в его шарах. Хотя он надеялся кончить в ее неиспользованное влагалище, ему приходилось довольствоваться изливанием семени в рот монашки и мириться с тем, что он не сможет проникнуть в нее без предварительного удаления этого громоздкого вагино-защитного устройства.

- Мой принц, вы - сверкающая звезда в ночном небе, - со страстью произнесла монахиня, целуя головку его члена, — много лет я стремилась к вам, зная, что я никогда не смогу приблизиться, но продолжала пытаться, не жалея своих сил.

- И теперь, когда ты, наконец поймала свою звезду, моя маленькая птичка, - сказал Блюблад, - что ты чувствуешь?

- Твоя страсть пылает жаром тысячи солнц, - сказала монахиня, - я боюсь, что твое яркое сияние сожжет моё тело и душу.

- Наслаждайся теплом, пока можешь, сестра, - сказал Блюблад, - ибо, в конце концов, мы все остынем в холодных объятиях смерти.

При упоминании слова «смерть» сердце монахини забилося быстрее. Теперь, когда Блюблад был достаточно сосредоточен на приближающемся оргазме, монахиня стала готовиться к своей божественной миссии.

Дотянувшись своим передним копытом до мантии, она извлекла молниеобразный кинжал так, чтобы принц его не заметил. Ручка кинжала удерживалась на копыте с помощью металлических зажимов.

Её пояс целомудрия был аккурат над лицом Блюблада. Не давая времени ему отреагировать, монахиня плюхнулась своим задом ему на лицо, прижимая острые шипы к его правой щеке. Быстро двигая пахом вдоль его лица, железным поясом она рассекла кожу, оставив глубокие порезы на его лице.

Принц издал крик, полный боли и удивления, горячая кровь брызнула из свежей раны на его лице. Монахиня развернулась к раненому Блюбладу. Присев у края кровати она угрожающе прижала лезвие к основанию его возбужденного члена. Другое ее копыто держало пенис принца неподвижным.

Блюблад не смел пошевелиться, боясь потерять свое жеребцовое достоинство. Он и она с ненавистью смотрели друг на друга. Кровь с его мордочки стекала ему на грудь и кровать. Она же покрывала шипы на поясе монахини.

- Где жеребята?! - прорычала она, - Что ты сделал с ними, больной ублюдок?!

Блюблад осознал, что все представление с обольщением было лишь уловкой хитроумной монашки, желавшей спасти сирот. Теперь на его лице была кровоточащая рана, а острое лезвие было угрожающе близко к его члену.

Осознав, что любое резкое движение поставит под угрозу средоточие его силы, Блюблад лежал неподвижно. Монахиня с нетерпением ждала его ответа, прижав кинжал к его возбужденной плоти. Блюблад думал о заточенных в подземелье детях. Он представлял их крики, полные боли, когда их впервые поимеют сзади. Даже этих мыслей было достаточно, чтобы заставить его кончить.

Лицо монахини было прямо над его членом. Блюблад испустил стон, когда он кончил ей прямо в правый глаз. Первый заряд спермы частично ослепил монахиню. Она вздрогнула от потеряла равновесие, что дало Блюбладу небольшой шанс на спасение.

Крепкими задними ногами он ударил её прямо в грудь, заставив ее рухнуть на землю. Блюблад поднялся, прижав переднее копыто к своему кровоточащему лицу. Боль умерила его удовольствие от оргазма, последние капли его семени упали на атласные простыни.

Потенциальная убийца приземлилась на копыта с потрясающей ловкостью. - Во имя Селестии, я задам тебе трепку! – прокричала монахиня, бросившись без оглядки на принца Блюблада.

- - Смерть тиранам! – воскликнула она, взлетев быстрее орла и устремившись нанести удар в шею принцу.

Поначалу она хотела добыть информацию от принца, прежде чем отрезать ему достоинство. Но при теперешнем раскладе его убийство становилось для нее

приоритетной целью. После того, как она очистит замок Сестер от его порочного влияния, она продолжит поиски жеребят. Она найдет их, даже если ей придется для этого обыскать весь замок камень за камнем.

- - Луна и Селестия! – воскликнула монахиня. - Дайте мне силу покарать преступника!

Принц стиснул зубы от ярости. Кровь текла по его правой щеке. Монахиня и Блюблад сцепились на ложе, две неукротимые воли боролись друг с другом. Ни один не отступал ни на дюйм пока они боролись за обладание кинжалом.

- Ничтожная тварь, - прошипел Блюблад, ударив монахиню головой. Оба рухнули с кровати и продолжили сражаться на полу. Она плюнула ему в лицо, её слюна была смешана с кровью из раны.

- Ты порочишь Святых Сестер, – произнесла монахиня, стараясь изо всех сил одолеть Блюблада, - тебе было позволено так долго жить лишь потому, что принцессы не соизволили марать копыта, раздавив тебя как мерзкое насекомое!

- Будь ты проклята, безмозглая дура! – воскликнул Блюблад, смеясь. - Ты не знаешь истинную природу тех, кому поклоняешься. Я положу конец твоей бессмысленной жизни во имя милосердия!

Принц придавил монахиню к полу, гримаса безумной ярости исказила его лицо. Прижав копыта к ее горлу Блюблад начал душить ее. Несмотря на непростую ситуацию, безумный распутник находил в себе силы отпускать шутки в адрес монахини.

- Ты и так синяя, - заметил принц, - интересно, какого ты будешь цвета, когда я тебя придушу?

В широко открытых глазах монахини застыл страх, она чувствовала что слабеет. Окружающий мир становился размытым, легкие кричали от недостатка кислорода. Не имея больше сил сопротивляться, передние копыта монахини вяло обвисли по бокам. Кинжал убийцы с грохотом упал на пол. Прежде чем погрузиться во тьму, она вспомнила о детях и своем задании, которое провалила. Дорогая сердцу оранжевая пегаска стояла у нее перед глазами.

- Скуталу, - тихо произнесла монахиня, - мой ... маленький ангел.

Мир погрузился во тьму.

Когда она очнулась, наступил другой день. Она находилась в деревянной клетке, которую тянула через Кантерлот пара королевских гвардейцев. Она не могла вспомнить, как долго находилась без сознания, или как она попала сюда. Все что она знала, это то, что она потерпела неудачу и не смогла убить принца.

Она потерла свою ноющую шею, покрытую синяками от копыт. Все ее тело болело, но особенно острая боль была в спине. Она попыталась расправить крылья, когда чувство тошноты подкатило к горлу. Маховые перья на ее крыльях были срезаны, чтобы лишить ее возможности улететь.

Еще никогда в жизни она не чувствовала себя столь уязвимой. Травма от невозможности летать, смешанная с чувством беспомощности - все это привело к тому, что ее вырвало в углу клетки. Она вытерла рвоту со рта и, уставившись на деревянные брусья решетки, пыталась понять, куда ее везут. Она произвольно положила копыто на ожерелье с луной и солнцем и начала теревить его, умоляя Святых Сестер о защите.

Прежде чем пегаска осознала, что происходит, повозка, вздрогнув, остановилась. Ей сердце бешено билось в груди, когда дверь ее клетки открылась. Два угрюмых гвардейца вытащили ее на веревке, обмотанной вокруг ее шеи.

Под конвоем гвардейцев монахиня поднялась по ступеням деревянной платформы. После трудного подъема её взору предстало действительно страшное зрелище.

В центре платформы стояла высокая вертикальная рама с подвешенным косым ножом. Лезвие удерживалось в приведенном положении с помощью, прикрепленной к нему веревки. Зловещее устройство использовалось для обезглавливания и было известно как гильотина.

Перед ней стоял угрюмый принц Блюблад. Его правую щеку покрывала белая марля. Если бы она не боялась за свою жизнь, она бы получила маленькую толику удовлетворения от его изуродованной морды. Немалая толпа пони собралась, чтобы посмотреть на унижения и экзекуцию неудавшейся убийцы.

- Вы все собрались сегодня здесь, чтобы стать свидетелями исполнения приговора мерзкой убийце, что скрывалась под личиной монахини, - обратился Блюблад к толпе, - чудовищу, чья развращенность может соперничать лишь с ее богохульством.

Монахиня смотрела на толпу. Она смотрела молча, пока Блюблад говорил. Некоторые зрители смотрели на нее сочувственно, другие улыбались, ликуя от предвкушения публичной казни.

- Эта негодяйка осмелилась напасть на меня в моих покоях, - сказал Блюблад, - только чудом мне удалось справиться с нападавшей и сорвать ее покушение!

Несколько членов Конгрегации Церкви Святых Сестер присутствовали среди толпы. В том числе и знакомая пегаски - сестра Санфлауэр.

У сестры Санфлауэр была бордовая шерстка, а её полосатая грива, укрытая черной вуалью, была розового с оттенками светло-розового цвета. Её кютимарка выглядела, как три улыбающихся цветка. Она была главным учителем в приюте и впала в отчаяние, когда узнала, что шестерых сирот забрали в замок. Её горе приумножилось, когда она увидела, как ее лучшую подругу ведут на гильотину. Сестра Санфлауэр подобралась как можно ближе к платформе, пока путь ей не преградили королевские гвардейцы.

Сестра Санфлауэр хотела что-нибудь сказать в защиту своей подруги, но она понимала, что любая демонстративная поддержка приведет к тому, что ее могут обвинить в сообщничестве. Все те, кто испытывал сочувствие к обвиняемой, стояли молча, опасаясь за свои жизни.

- За свои коварные преступления, радужногривая убийца будет предана смерти, - произнес Блюблад, указывая на гильотину, - мы собираемся сделать ее казнь на двадцать процентов короче, уложившись в десять секунд.

- Нет! – воскликнула пегаска, пытаясь бежать, но лишь натянула веревку. Она взмахнула бесполезными крыльями в отчаянной попытке спастись. Самые жестокие участники толпы потешались над ее бессмысленной борьбой. Сестра Санфлауэр отвела взгляд. Она не находила в себе сил смотреть на мучения подруги.

- Гвардейцы, исполняйте свой долг, - сказал Блюблад. Монахиня громко молилась, пока ее вели к гильотине.

- О, Селестия! – вскричала она, - О, Луна! Почему вы оставили меня? Пощадите вашего бедного слугу! ***Я всего лишь пыталась исполнить вашу волю!***

Последнее предложение заставило Блюблада остановиться. Он подошел к монахине, голова которой была помещена между двумя деревянными блоками, чтобы удерживать ее в неподвижном положении.

- О чем ты говоришь, мерзкая шлюха? - сказал Блюблад, - ты утверждаешь, что исполняла волю моих тетушек?

- Я потерпела неудачу, выполняя их волю, - грустно произнесла монахиня, - я ненавижу проигрывать.

Блюблад ударил монахиню по лицу, чтобы заставить ее сосредоточиться на его вопросе.

- Что ты имеешь в виду? – спросил Блюблад, - Кто приказал меня убить?

- Богини удостоили меня своей божественной аудиенции, - сказала благоговейно монахиня, - когда я готовилась к вечерней молитве, Селестия и Луна посетили меня в спальне. Они рассказали мне о твоих злых деяниях и о том, что ты собирался сделать с бедными сиротками. И хотя они нашли твои преступления достойными смерти, их праведность не позволяла им убить тебя. Они отпустили мне грехи и поручили исполнить этот священный долг. Богини повелели мне положить конец твоей тирании и спасти детей от растления.

Мысли о сиротах заставили монахиню снова заплакать.

- Пожалуйста! – умоляла она. - Я знаю, что моя жизнь окончена, но прошу, пощади детей! Не губи их души ради своего порочного удовольствия. Сохрани моих драгоценных маленьких ангелов, умоляю тебя!

Но принц больше не внимал ее мольбам. Он перестал обращать на неё внимание, после того как она упомянула о приказаниях покарать его.

Блюблад медленно повернул голову и уставился на Кантерлотский замок с дурным предчувствием. Если рассказ монахини был правдой, это означало, что где-то внутри замка его тетушки плели заговор против него.

Селестия и Луна действительно отдали приказ убить его? Говорила ли монахиня правду или же это был просто бред религиозной фанатички? Она выдумала себе аудиенцию королевских особ или же она просто первая в цепочке убийц его тетушек, стремящихся его уничтожить?

Блюблад внимательно всматривался в толпу, и страх был замечен на его лице. Боль от раны вспыхивала вновь, когда он спрашивал, кто следующий из этой толпы попытается его убить.

*“Если бы у всего Кантерлота была только одна шея...”*⁴- с горечью подумал он.

Но самообладание вернулось к нему, и дьявольская улыбка появилась на устах принца.

⁴ Примечание переводчика. Блюблад перефразировал фразу римского императора Калигулы (12 - 41 гг. н.э.), который произнес её, когда чернь на арене рукоплескала не тем, за кого болел сам император., когда плебеи на арене приветствовали не тех, за кого болел император.

“Если следующий убийца окажется среди них”, - подумал Блюблад, - тогда мне следует показать ему цену неудачи.

Блюблад стоял перед монахиней, обращенный лицом к толпе. Она могла видеть его яички и задницу, находившиеся на уровне ее глаз.

- Пусть судьба этой предательницы короны послужит предостережением для всех вас! - произнес он. - Ничего, кроме смерти и унижения не ждет тех, кто бросит вызов принцу Блюбладу!

Блюблад отошел в сторону и кивнул королевским гвардейцам. Несколько одоспешенных жеребцов подступили к монахине, и она могла заметить, как в состоянии эрекции они щеголяли своими внушительными орудиями.

- О, богини! – воскликнула монахиня – Нет, пожалуйста! Пощади! Пощади!

Её облегающая черная одежда была разорвана, обнажив ее невзрачное железное исподнее. Серия смешков возникла среди гвардейцев и некоторых пони в толпе. Скромная монахиня покраснела и попыталась прикрыть свой позор хвостом.

Гвардеец-единорог левитировал с помощью магии молот и долото к монахине. Через несколько удачных ударов металлическое белье треснуло и свалилось наземь. Монахиня взмахнула хвостом, испытав впервые за десять лет дуновение ветра по своей обнаженной заднице.

Светло-голубой пегас с темно-синей гривой стал по стойке смирно, как только девственное естество монахини было обнажено.

- Соарин, - обратился Блюблад к пегасу, - как новому Капитану Гвардии, тебе предоставлена честь лишить её невинности.

Соарин улыбнулся. Растопырив свои перья, он направился к обездвиженной монахине.

- Нет! - умоляла она, - Убейте меня сразу, пожалуйста! Даруйте мне быструю смерть, она предпочтительнее этого бесконечного позора.

- Ты не заслуживаешь милосердия, - ядовито произнес Блюблад, - грязная предательница вроде тебя заслужила пытки.

Монахиня вскрикнула, и тщетно пыталась бороться со своими оковами. Она жалобно всхлипнула при виде капитана гвардии, подходящего все ближе.

Член Соарина помог ему обеспечить положение в качестве нового капитана гвардии. Филти Ричу было поручено найти подходящую замену, после того как предыдущий капитан покончил жизнь самоубийством.

Филти Рич сделал выбор после того, как организовал оргию, в процессе которой его отымали все желающие кандидаты. Соарин стал абсолютным победителем, так как его член был самым красивым и превосходным инструментом из всех, что Филти Рич когда-либо принимал в себя. Член Соарина почти всегда стоял по стойке смирно и мог наполнить семенем пинту⁵ до краев всего за четыре подхода.

⁵ Пинта - объем 0,47 л.

Соарин взобрался на нее, наслаждаясь моментом перед проникновением. Прякулят сочился с конца его члена, когда он тер им о ее девственные половые губы кобылы. Некоторые из участников толпы нарушали тишину непристойными выкриками.

- Изнасилуй шлюху! Изнасилуй шлюху! Изнасилуй шлюху! – скандировала группа жеребцов.

Воодушевленный толпой Соарин ринулся вперед. Его бедра и ее зад представляли шокирующую картину публичного секса. Когда монахиня закричала от боли, некоторые пони взорвались одобрительными криками, другие же стыдливо отворачивались.

Девственная плева кобылки была разорвана. Кровь капала с яиц Соарина на пол. Её крики пронзали небеса, когда капитан долбил её кровоточащую вагину.

- Во имя Селестии, вытащите его! – завопила монахиня. - Боль... она невыносима!

Но Соарин не пощадил её. От его мощных толчков платформа закричала, и колени кобылки подогнулись. Под воздействием вибрации начало раскачиваться и лезвие гильотины. Лезвие крепилось с помощью веревки, так что не было никаких шансов, что оно опустится раньше положенного времени. Монахине предстояло вытерпеть все, что Блюблад подготовил для нее, прежде чем ей будет даровано долгожданное избавление в смерти.

Болтающиеся шары Соарина бились о живот монахини, пока он продолжал сношать ее сзади. Ощущение мошонки, трущейся о ее клитор начало вызывать у нее внутри ранее не известные ей ощущения.

- Мой принц, - заметив Соарин, активно работая бедрами, - я не сомневаюсь в ваших методах, но у меня есть сомнения в эффективности этой пытки.

- Да? - произнес Блюблад. - И почему же, капитан?

- Потому что эта мразь такая влажная, что явно получает удовольствие от сношений, - произнес Соарин.

- Это ложь! – проговорила, всхлипывая монахиня. - Как можно получать удовольствие от такого гнусного действия?

- Поговори мне еще тутПоговори мне еще тут, - проговорил Соарин, - запах твоей похоти и похоти висит в воздухе подобно дымке. Мой стержень весь покрыт жидкостью из твоей влажной кобыльей дырки, и не пытайся это отрицать.

К великому ужасу монахини, тело предало ее, смазав оружие ее насилия. Блюблад получил огромное удовольствие от слез унижаемой монахини.

- Будь усердным, исполняя свой долг, капитан, - сказал Блюблад, - когда закончишь, другой гвардеец займет твое место, и дальше по очереди каждый получит свой шанс.

Глаза монахини расширились от ужаса, при мысли о потных понячьих концах, извергающих в нее сперму.

Соарин задвигал бедрами в попытке проникнуть глубже в нее. Его яички терлись о ее клитор, пока плотину кобылки не прорвало.

- О Селестия! - воскликнула монахиня, стоило ей кончить в первый раз. - Прости меня за этот позорный оргазм!

Едва член Соарина заставил ее кончить, как новый оргазм накрыл ее с головой.

- Подлая шлюха! – разразился бранью Соарин. - Как ты смеешь кончать раньше меня?

Всякое удовольствие от оргазма было испорчено болью в пояснице и чувством стыда, закравшимся глубоко в сердце. Все что монахиня могла сделать, это повесить голову и рыдать.

Желая закончить с ней, Соарин ускорил темп движения. Капитан выгнул спину и застонал, выстрелив свой заряд в ее узкий туннель. Шары Соарина выпустили четыре густых струи спермы в ее лоно. Довольно вздыхая, Соарин вытащил свой член из ее кровавого, сочащегося отверстия. Целая пинта белой клейкой спермы, перемешавшись с ее девственной кровью, капала из ее влагалища на пол.

Прежде чем монашка успела прийти в себя, следующий гвардеец оседлал ее. Это был огромный земнопони, насквозь провонявший потом, испытывавший сексуальную неудовлетворенность. У него была желтая шерсть и светло-зеленая грива, и звали его Инвиктус⁶.

Гвардейца так прозвали потому, что вне зависимости от того, что он делал, у него была постоянная эрекция. Хотя его член был относительно мал для жеребца его размера, он мог посрамить других гвардейцев своей богоподобной потенцией. Остальные гвардейцы, несмотря на огромные размеры своих членов, испытывали трудности с твердостью после

⁶ Инвиктус переводится как “Непобежденный”

нескольких эякуляций, но член Инвиктуса расцветал от малейшего прикосновения, независимо от того, сколько раз за день он кончил.

Инвиктус наклонился к спине пегаски, поставив свои передние копыта на деревянную скобу, державшую шею кобылы неподвижной. Она слышала его тяжелое дыхание, которое заставляло все ее тело трястись от страха.

Монахиня заскулила, когда почувствовала головку его члена проникающего в ее разорванную вагину. Она закричала, когда уже второй гладкий стержень нырнул в ее смазанную лакуну. В этот раз трение было более слабым из-за ее крови и спермы Соарина, которые служили смазкой при проникновении. Многократно изломанное тело монахини забилося в агонии.

Блюблад бросил взгляд в толпу и заметил нескольких жеребцов, мастурбирующих, наблюдая за происходящим. От столь аморального бесстыдства Блюблад пустил слезу радости.

- Мои королевские подданные, - произнес Блюблад, сияя от гордости при виде столь экстравагантного разврата. — тех кто желает доказать свою преданность короне, я призываю покрыть своей спермой лицо предательницы. Пусть ваше семя станет позорным свидетельством ее мерзких поступков.

Развратное действо скоро продолжилось и жеребцы начали подниматься на арену, каждый из них был готов кончить на лицо монахини, чтобы продемонстрировать уважение к принцу.

Монахиня оказалась между двух очередей. Одна очередь набралась из гвардейцев, по очереди насилующих ее зад, другая - из жеребцов кончавших ей на лицо. Ей приходилось терпеть смрад их промежностей и отвратительный вкус соленой спермы.

- Покайтесь, грешники! – рыдала монахиня, пока жеребцы оскверняли и растляли ее чистоту. – Вы все будете гореть в огне Тартара если не раскаетесь! Не разменивайте свои души на удовольствия плоти! Покайтесь пока еще не слишком позд ... акх!

Мольбы монахини были прерваны, когда пегаске кончили в ее открытый рот. Толстые нити спермы попали ей в рот и на лицо. Она задышалась и шипела, выплюнув все, что смогла.

Инквитуз издал торжествующий крик, когда он выпустил огромное количество спермы в ее утробу, и прежде чем он быстро вынул его твердый стержень, следующий гвардеец уже стоял в очереди.

Жеребцы кряхтели и стонали, пока сношали ее с обеих сторон. Это жестокое унижение заставило монахиню сильно покраснеть, что было скрыто от глаз посторонних слоем спермы на ее лице. В дополнение к тому, что семя было на ее лице, ее религиозный головной убор был также забрызган спермой. Пока ее сношали сзади, ожерелье с солнцем и луной билось о переднюю часть гильотины.

После того, как все охранники по очереди исполнили свой долг, щель убийцы стала шире чем у распутной акробатки. Вагинальные мышцы монахини горели, словно в огне. Её влагалище было заполнено до краев спермой доброго десятка гвардейцев, а её лицо было тщательно покрыто горячей спермой пони.

Густой, липкий преякулят капал с ее тела, пока она отряхивалась. Она вся пропахла сношениями. Её слезы смешались со спермой на лице, образовав коктейль из соленых жидкостей.

Остался только один пони, которого Блюблад специально придерживал до самого конца. Звук удивления пронесся через толпу, ведь этого пони очень редко видели в свете.

- Это же горбун из Кантерлотского замка! - встревожено произнес жеребец из толпы.

Уродливый жеребец-земнопони имел ярко-красную шерсть и гриву цвета древесного угля. Он носил деревянное ярмо на шее, и у него было неприятное лицо, вдобавок он имел отвратительный нарост, который закрывал его левый глаз. А еще он страдал задержкой в умственном развитии и постоянно пускал слюни.

Развратники прозвали горбуна Разрывателем Задниц. Это прозвище было дано ему из-за его члена, который имел столь забавную форму, что его проникновение было почти невозможно без болезненного разрыва в заднем проходе. Сама головка его члена напоминала сердце мантикоры. Длина члена измерялась всего в восемь дюймов, но, как и остальные части его тела, он был нелепо деформирован. Член Разрывателя задниц был так изогнут, что жестоко рвал анус при проникновении в него. Именно за эту особенность его столь высоко ценили развратники.

Когда Разрыватель задниц приблизился к монахине, преякулят сочился из двух отверстий его скрученного члена. Одно из них было для уретры, но другое, в верхней правой части головки его скрученного полового члена, было лишним. Задний проход монахини был оставлен нетронутым до этого момента, но теперь ее анальной девственности предстояло встретить свою погибель.

Разрыватель задниц оказался на полумертвой кобылке. Она могла чувствовать его отвратительное тяжелое дыхание и чувствовать, как он пускает дурно пахнущие слюни на ее подрезанные крылья. Разрыватель задниц смеялся, как идиот, когда он уперся передними ногами в гильотину.

Игнорируя ее липкое, кровавое влагалище, Разрыватель задниц скоро нашел то, что искал: сухую, тугую дырочку кобылки.

Горбун прижал бугорчатую головку к сфинктеру монахини, пока толпа, затаив дыхание, ждала, что произойдет дальше.

Оправдав свое имя, Разрыватель задниц разорвал задницу кобылы на куски, вогнав в нее свою скрученную ракету из плоти. Монахиня издала пронзительный крик, вызвав небольшое количество одобрительных возгласов из толпы. Некоторые ликовали с искренней злобой, другие же просто повторяли их, надеясь избежать подобной участи.

Терзаемая кобылка дергала головой настолько, насколько ей позволяла шея. Единственное чего она добилась, мотая головой, это были летящие в разные стороны нити спермы, слетевшие с ее мордочки.

Глубокими проникновениями он растягивал сухие складки ее сфинктера. Его деформированная головка раздвинула ее ректальные мышцы на широту, непозволительную природой.

Хотя его умственные способности были невысоки, к большому неудовольствию монахини, бедра жеребца двигались неестественно быстро. Его пах сливался с местом под основанием ее хвоста, издавая серию хлопков и хлюпающих звуков.

Когда Разрыватель задниц окончательно порвал ее прямую кишку, то факт ее скорой казни был неприятностью, которая казалась благодеянием. Грубые наросты на головке его члена были острее, чем битое стекло и разорвали ее ректальные мышцы в клочья. Каждый раз, когда жеребец вынимал свой болт, он был покрыт свежим слоем крови. Еще больше малиновой жидкости вытекло из ее задницы на пол арены в продолжение жестокости акта насилия.

В попытке отвлечься от жестокого изнасилования монахиня сосредоточилась на молитве к Богиням вслух.

- Благословенна ты, Селестия, Матерь Солнца, - произнесла через боль монахиня. - Милостью своей ... даешь свет и жизнь всем живущим на этой проклятой планете. Щедрость твоя не знает границ ... Ааа!

Она потеряла концентрацию, когда Разрыватель задниц провернул свой член внутри ее окровавленного ануса. Отбросив боль, монахиня возобновила свою отчаянную мольбу.

- Невзирая на грехи наши, - продолжила она, - Ты несешь вес этого мира на спине Своей, порок и богохульство отвратительны Тебе. Благослови пони, направь их копытом Своим и помоги им идти по дороге праведности Твоей. Веди нас сквозь мир скорби и дай нам возможность узреть чистоту Лица Твоего.

Зад монахини был изогнут так, чтобы он подходил для грубого инструмента Разрывателя задниц. Он сношал ее зад с все возрастающим темпом и уже был готов кончить внутри неё. Монахиня прерывала свою молитву каждый раз, когда бедра горбуна соединялись с ее задом.

- Позволь Твоим обьятиям согреть наши души, - говорила она, - и дальше скреплять Эквестрию заповедями Твоими. Пусть дружба как Твое самое святое учение будет принято всей грешной землей и пусть учение Твое распространится, подобно лучам солнца, и изгонит всю тьму.

Кончая в кобылу, горбун проорал что-то непонятное. Вязкая сперма жеребца сочилась с его искривленного члена в ее окровавленной заднице. Он тяжело выдохнул вытащив его из ее разорванного зада. Пенящаяся красная кровь текла из израненого ануса, собираясь в небольшую лужицу крови, смешиваясь с озерцами спермы, скопившимися на полу деревянной арены.

Голова монахини находилась на гильотине, а из ее вагины и ануса вытекала смесь из крови и спермы. Её лицо и вуаль были покрыты спермой десятков жеребцов из Кантерлота. Сделав свое дело, Разрыватель задниц был препровожден со сцены. Капли крови капали с его члена, когда он возвращался в свою одинокую колокольню.

Принц Блюблад убрал вуаль, обнажив для толпы прекрасную радужную гриву. Используя магию, он стер ею последние следы спермы с ее лица. Её глаза были красные от слез, что она пролила, и семени жеребцов попавшего ей в глаза. После того, как все следы спермы были удалены, Блюблад засунул пропитанную спермой вуаль ей в рот. Её рвотный рефлекс тут же напомнил о себе тошнотой и удушьем. Она выплюнула испачканную семенем вуаль на пол и взглянула на него.

- За своё предательство, эта кобыла будет вечно гореть в огненной преисподней, - сказал Блюблад, - Пусть ее наказание послужит предупреждением каждому из вас. Такова цена предательства.

Блюблад кивнул Соарину. Капитан отпустил веревку. Лезвие со свистом опустилось вниз.

- ***Селестия, в копыта Твои предаю свою душу,*** - сказала монахиня. Лезвие опустилось ей на шею, как только она произнесла последние слова. Без мозга, контролирующего его, тело кобылки сразу обмякло.

Сестра Санфлауэр, которая наблюдала за процессом со всевозрастающей болью не вынесла вида обезглавленной и упала в обморок, когда голову ее подруги отделили от тела.

Вместо ободряющих криков, которых следовало ожидать от толпы, в ней царила мертвая тишина. Обезглавливание было особым удовольствием принца Блюблада и зрители хорошо знали, что принцу требуется полная тишина на время его уникального эксперимента.

Блюблад был очарован процессом отрубания голов, ему было интересно, как долго может работать мозг, будучи отделенным от тела.

Голова монахини остановилась у ног Блюблада, ее глаза смотрели на него. Он взглянул на ее голову и улыбнулся. Её налитые кровью глаза дернулись и начали вращаться по кругу, словно она еще была в сознании. Блюблад знал, что она не сможет говорить без легких, но ему хотелось посмотреть на ее реакцию.

Блюблад наклонился ближе и зашептал на ухо кобыле. Он пытался сказать ей последние слова, прежде чем сознание покинет её.

- Этой ночью, я лишу невинности твоих драгоценных ангелочков, - произнес Блюблад со зловещей улыбкой. Подняв голову Блюблад мог безошибочно разглядеть одинокую слезу,

катившуюся вниз по голубой щеке. Жестокая улыбка принца, это было последнее, что видели мертвые и остекленевшие глаза монахини.

И потом она умерла.

- Я думаю, она слышала меня, - сказал Блюблад, с улыбкой повернувшись к Соарину.

Капитан гвардии ухмыльнулся, прежде чем схватить веревку и начать поднимать кровавое лезвие. Он вернул клинок в исходное положение и благополучно зафиксировал его.

Блюблад смотрел на отверстие в шее трупа. Оно было кровавым, влажным и таким... манящим. Принц почувствовал, как его чресла встрепенулись, когда он подошел к обезглавленному телу монахини.

Желая оправдать репутацию самого отвратительного правителя, которого когда-либо знал этот мир, Блюблад оседлал гильотину и вставил свой крепкий член в окровавленную глотку трупа. На глазах у гвардейцев и горожан принц начал трахать шейное отверстие казненной.

Теплая кровь капала с заточенного лезвия на спину Блюблада, пока он сношал мертвое тело.

“Это за то, что изуродовала мне лицо, грязная сука!” – с ненавистью подумал Блюблад. Его промежность вся пропиталась теплой кровью монахини, когда он кончил в её шейное отверстие и желудок.

- Я знаю, что это слегка поздно вато, - не без иронии заметил он, - но прошу, наслаждайся своей последней трапезой, которую тебе предоставил принц Блюблад!

После обезглавленного сношений с обезглавленным телом монахини Блюблад повелел своим подданным разойтись и рассказать другим о том, чему они были свидетелями.

- Селестия и Луна управляют солнцем и луной, - объявил Блюблад, - я же правлю всем, чего касается их свет!

Монахини Конгрегации унесли потерявшую сознание сестру Санфлауэр прочь от этого грязного представления. Они хотели забрать и тело сестры Спектрум, но у Блюблада были на него иные планы. Принц приказал Соарину отнести тело монахини к башне с видом на вход в Кантерлотский замок. Кровь и сперма падали с ее холодной плоти на землю, когда Соарин пролетал с ним над шпилем.

Труп был по-прежнему облачен в пропитанную кровью и спермой рясу. Соарин насадил его на шпиль, острый металл которого пронзил ее влагалище и внутренние органы и вышел через отверстие в шее. Кровь и внутренности выскользнули вниз по шпилю. Каждый, кто видел обезглавленное тело с радужным хвостом, мог познать цену измены.

Наступила поздняя ночь. Молниеобразный кинжал пополнил коллекцию трофеев Блюблада. Кинжал убийцы занял свое место среди элегантного платья, фиолетового рога, клочка розовой гривы и бочки с яблочным сидром. Блюблад сидел за письменным столом, приготовив перо для своей последней записи в журнале. Он поднял с помощью магии кинжал поближе к себе, чтобы оживить свои воспоминания об убийце.

Увидев свое отражение в его зеркальной поверхности, Блюбладу испытал отвращение при виде шрама на своем лице. Принц в ярости ударил кинжалом о дубовый стол и

подвинул к себе перо. Погрузив его в чернила, Блюблад, преисполненный скверного настроения, начал писать в своем журнале.

Спустя несколько часов последняя победа Блюблада была записана для потомков. Как только чернильница захлопнулась пробкой, раздался стук в дверь. Блюблад подскочил от неожиданности. С момента недавнего покушения на свою жизнь он был сам не свой.

Но пони за дверью оказался не врагом, но его другом, Фэнси Пэнсом. Усатый жеребец приоткрыл дверь и просунул голову внутрь.

- Я не хотел побеспокоить вас, мой принц, - сказал Фэнси Пэнс, - но время вознесения жеребят уже близко.

Блюблад спокойно положил перо и встал из-за стола.

- Я иду, - сказал он. Его оптимистичный тон был предан тревожной улыбкой. Принц был не на шутку взволнован. Сегодня предстояла самая важная церемония Ста Двадцати Дней Блюблада, и он не собирался позволить шраму на лице помешать ему хорошо провести время.